

ПЛАТОН КАК УЧИТЕЛЬ

Однажды Авенир Иванович Уёмов сказал: сначала я не принуждал своих аспирантов читать мои работы, полагая, что они сами сделают правильные выводы и обратятся к теории систем, потом понял, что это была ошибка, они постоянно уходили куда-то в сторону, и тогда я стал давать им свои работы для обязательного чтения.

Прошел, наверное, еще десяток лет, и Уёмов все настойчивее ориентировал своих учеников на собственную философию, раз за разом он возвращался к мысли, что только с теорией систем связана возможность существования философии в будущем, и все больше укреплялся во взгляде на остальные направления в философии как на «вредные».

Даже те, кто был знаком с Уёмовым не очень близко, знали, что он ценил Аристотеля намного выше, чем Платона (чьи заслуги, впрочем, тоже признавал), а самые близкие иногда слышали от него признание, что он чувствует себя реинкарнацией Аристотеля. В этом признании была, конечно, значительная доля иронии, и трудно было сказать, что он имел в виду – саму личность Стагирита или же его роль в философии, созданную им логическую парадигму, по-прежнему во многих отношениях чуждую отечественной традиции, как во многом чуждой оставалась ей и теория систем. Но есть ирония и у самой жизни. Представляется, что приведенное в начале тезисов признание Авенира Ивановича роднит его скорее с Платоном, нежели с Аристотелем.

Объем данной публикации не позволяет предложить обстоятельный анализ, поэтому здесь мы ограничимся только постановкой вопроса о Платоне и Аристотеле как учителях. В качестве исходной платформы сформулируем в общей, достаточно грубой форме принципиальный тезис. И Платон, и Аристотель создали свои школы, объединившие какое-то количество учеников, но отношение учитель-ученик в этих школах, судя по всему, заметно различалось. Школа Платона, Академия, пережив по крайней мере три этапа своего развития, просуществовала I века н.э. (до Филона из Лариссы, бывшего схолярхом в 110 – 84 гг. до н. э.), а будучи восстановленной

императором Марком Аврелием в 176 г. н.э., была закрыта по указу императора Восточной Римской империи Юстиниана в 529 г., наряду с другими философскими школами, по обвинению в распространении язычества. Школа Аристотеля, Ликей, просуществовала значительно меньше, вероятно, до последней четверти III века до н.э. (до схоласта Аристона с Кеоса, а если даже принять в расчет последующую традицию, то до середины II века до н.э.), но уже при Ликоне (272/68 – 228/5) школа утрачивает аристотелевское направление, а еще ранее странным образом остается без текстов Аристотеля. Только в I в. до н.э. эти тексты опубликованы Андроником Родосским, с чьим именем и деятельностью связывают начало возрождения аристотелизма.

Обе традиции, таким образом показывают себя достаточно устойчивыми, но при этом существенно различаются: платоновская школа, раз за разом (неудачно?) пытается восстановить подлинную философию Платона, при этом совершая колебания от скептицизма до строгого догматизма (окончательно узаконенного уже неоплатониками). Аристотелевская школа удерживает систематическое и теоретическое направление при двух первых схоластах (Феофрасте и Стратоне), но затем радикально меняет свою направленность и методы, переключаясь на изыскания исторических биографий, литературоведение и популярную этику, перестав использовать основную часть догматических трудов Аристотеля. Это изменение настолько радикально, что ни в самой школе, ни вокруг нее не остается, вероятно, ни одной копии собственно философских работ Аристотеля, рукописи которых почти двести лет хранятся то ли на чердаке, то ли в подвале, где портятся от сырости и моли, пока их не приобрел Аппелликон из Теоса. Более того, научно-популярные («эксотерические») диалоги Аристотеля, которые оставались в школе, вообще не попали ни в одну из библиотек и до нас не дошли. Даже Андроник Родосский, публикуя в первом веке до н.э. приобретенное Аппелликоном и вывезенное Суллой в Рим собрание сочинений Аристотеля, по-видимому, уже не располагал текстами диалогов.

Известна и неоднократно становилась предметом исследования и восхищения замечательная организация

школы Аристотелем, превратившем ее в некое подобие академии наук: на основе метода Учителя систематически и последовательно разрабатывалась каждая область знания в отдельности и все они вместе, единый центр координировал специальные исследования членов школы в отдельных, там же эти исследования систематизировались и обобщались. Эта система сохранялась при преемнике Аристотеля, Теофрасте, но далее произошло нечто необъяснимое. По свидетельству Страбона, Теофраст завещал библиотеку Аристотеля Нелею, который увез ее из школы на свою родину, в город Скепсис в Малой Азии. Там они и осели у потомков Нелея почти на 200 лет, а преемник Теофраста, Стратон, вероятно, воспитанный на этих рукописях, еще пытался сохранять систематическую традицию школы, но передать ее без библиотеки оказался уже не в силах. Вместе с тем, почти нет сомнения, что Теофраст и Стратон глубоко понимали философию Аристотеля, руководствовались ею и даже развивали ее, если не в целом, то в приложении к отдельным областям знания. Об Аристотеле свидетельствуют, что он организовал школу наилучшим образом, нашел каждому дело по вкусу и по таланту, превратив ее в слаженный механизм.

С Платоном все не так. Уже в отношении первых схоластов – Свесиппа и Ксенократа – высказывались сомнения об адекватности и полноте их понимания философии Учителя. Во всяком случае, оба они внесли ряд изменений и упрощений в платоновскую философию. При этом они, по-видимому, участвовали в работе Академии со времени ее основания, и тем не менее, хотя и совершенно по-разному, смещали платоновское учение в сторону присутствующих в нем пифагорейских элементов. Самого яркого и талантливого ученика Платона – Аристотеля – тоже никак нельзя считать ортодоксальным платоником. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, как было поставлено обучение учеников в Платоновской Академии.

Речь будет идти не о том, чему посвящена огромная литература – не о методах обучения, практиках занятий или даже не об отношении устного учения к письменным текстам. Задача данной работы – попытаться очертить психологический рисунок обучения, которое, с одной стороны следует признать чрезвычайно успешным (сама история платоновской школы

свидетельствует об этом), а с другой стороны, потерпевшим полное фиаско, потому что современное платоноведение не знает ни одного из учеников Платона, кого можно было бы считать воспринявшим взгляды своего учителя, а кроме того и сегодня не в состоянии представить удовлетворяющую по крайней мере большинство исследователей картину платоновской философии.

Вероятно, стоит сразу отказаться от теории тайной доктрины Платона, поскольку, будь она выражена хоть бы в устной форме, обязательно получила бы отражение у ближайших наследников (единственное упоминание в «Физике» Аристотеля о «неписанных доктринах Платона» (Phys. 209 b 13-16) трудно считать таким свидетельством). Трудно принять и точку зрения современных сторонников тайного учения (прежде всего, так называемой «Тюбингенской школы»), что известные нам диалоги не содержат ничего существенного относительно подлинных взглядов Платона, а лишь скрытые намеки на них, доступные только посвященным. Это мнение скорее следует рассматривать как современный этап «пифагоризации» Платона.

Гораздо более естественным кажется предположение, что Платон сам не был в состоянии выразить отрывшееся ему видение Истины (я не имею в виду некий сверхъестественный опыт визионера), просто у Платона не оказалось ни категориального аппарата, ни системы методов для того, чтобы представить сложность устройства видимого глазами его ума мира. И он вынужден был делать это постепенно, шаг за шагом, как будто описывая сложный многогранник – одну сторону за другой, переключая иногда свое внимание и на соотношение сторон. Можно представить себе такой образ (позаимствуем его у Шопенгауэра и индийской философии): мир – это невидимая прекрасная статуя, но хотя ее можно воспринять разными чувствами – кроме зрения, – однако же описание способно передавать исключительно визуальный образ. И Платон раз за разом наклеивает на нее кусочки листьев или ткани, как при изготовлении папье-маше, чтобы передать сложные пластические конфигурации объема, но все равно не в состоянии охватить всю поверхность целиком. Таким образом, диалоги представляют собой верное, но всегда частичное и

лишь поверхностное очертание некой сущности, остающейся доступной лишь внутреннему прозрению.

Едва ли Платон был в состоянии в свободной речи представить это целое в его единстве и полноте. Это требовало внутренней работы самого слушателя, поэтому философ так высоко оценивал комментарии к текстам, а главное – возможность направлять мысль читателя/слушателя в правильное русло. Соответственно с этим Платону требовалось развить у своих учеников способность достраивать целое из направляющей посылки, усматривать сущностное за высказанным, высказанное – устно ли, письменно – никогда не было окончательным и полным. Ехидные комментарии Аристоксена к его пересказу впечатления публики от лекции Платона «О Благе» [1, 39, 45] поэтому просто являются следствием его непонимания того, как Платон выстраивал обучение. Развить в учениках способность верно достраивать недосказанное (возможно, вообще невыразимое) – высший уровень в педагогике. Может быть, диалоги, которые обычно называются «ранними», диалоги, в которых нет однозначных ответов на образующие их вопросы, действительно служили своего родом упражнением, как неоднократно предполагалось исследователями. И потому они вполне могли писаться одновременно с большими диалогами «среднего» периода, не отрицая их и без какого-либо противостояния, а лишь для более полного и совершенного процесса обучения. Но, как можно судить из последующего, воспринять этот вид обучения в полной мере удавалось не всем. И в «Государстве», и в «Законах» Платон выстраивает систему отбора лучших, осознавая, что всех научить нельзя.

В «Законах» это пессимистическое (или просто реальное) убеждение Платона приобретает завершенную и достаточно неприглядную для оптимистического взгляда на человека форму. Если предположить, что Платон постепенно от интереса к политике перешел к политической теории (как можно предположить из Седьмого письма), а потом, можем мы предположить, предметом его мысли стала космогония и космология, и вообще сущности высшего порядка, то тогда в «Законах» он подводит итог своего почти сорокалетнего педагогического опыта. И вывод этот неутешителен:

большинство всегда будет нуждаться в предоставлении ему строго фиксированных формул и никогда не сможет отпустить свой разум в «открытое плавание», а если такое случится, то разум этих людей наворотит такого, о чем лучше вообще не говорить вслух. Поэтому для подавляющего большинства всегда останется лучшим способом обучения давать набор строгих формул под запись для заучивания, а чтобы они запомнили их как следует, их следует пороть при малейшем отклонении от «правильного курса». И благополучие государства будет тогда обеспечено именно этим большинством. Безусловно, печальный вывод.

Можно списывать столь категоричный финал платоновского опыта на его старость, на социальные обстоятельства – упадок афинского государства, расхождение взглядов среди учеников внутри самой Академии, на непочтительное поведение такого ученика как Аристотель – да мало ли на что. Но стоит задуматься, не свидетельствует ли история той или иной конкретной мысли о правоте Платона, которую мы просто не готовы признать? История постепенного ожесточения борьбы среди сторонников терпеливого и смиренного Христа, и то же нарастание противостояния среди последователей куда более решительного, но все миролюбивого Пророка, идеи Достоевского, изложенные его героем в знаменитой «Легенде», да даже такой странный источник как «Краткий курс истории ВКП(б)» – не могут ли нам рассказать, что человеческая природа неоднозначна, охотно поддается воспитанию, но воспитание это дает предсказуемые плоды только там, где оно носит недостойные нашего гуманного времени формы? Вот и опыт А. И. Уёмова подталкивал его к тому же выводу. Достаточно ли мы разумны, независимы, мужественны и честны, чтобы рассмотреть его беспристрастно?

Список использованной литературы:

1. Aristoxeni Elementa harmonica (II, 30 – 31) / Rosetta da Pàos. Romae, 1954, pp. 39, 45. Русский перевод: Аристоксен. Элементы гармоник. Перевод и примечания В. Г. Цыпина. М.: МГК, 1997. С. 41.